

1 СЕНТЯБРЯ

Почему-то считается, что все должны любить школу. Очевидно, что воспоминания нежной юности через призму прожитых лет приобретают в человеческом сознании отчетливый розовый цвет, который уже не позволяет относиться к школе объективно, как к изощренному инструменту подавления личности.

Я учился в хорошей школе, даже очень хорошей по московским меркам, престижной английской спецшколе, куда я попал достаточно неожиданно, и успешно закончил которую, ровно через десять лет в 1976 году. Когда люди вспоминают школу в приливе сентиментальной слабости, они обычно говорят и думают о двух событиях – о 1 сентября, когда они пришли в школу сопливыми первоклашками, и о событиях относительно романтической пьянки под объемным названием *Выпуск*.

Подробности между этими эпохальными событиями молодой жизни обычно опускаются, и целое десятилетие драгоценной юности оставляет в душе среднего советского человека постыдно мало. После усиленного напряжения извилин люди с трудом вспоминают имена своих любимых учителей, какие-то проказы, но решительно никто не вспомнит плохих учителей, низкие оценки, мучительное стояние у доски на виду всего класса, всем своим видом доказывая теорию, что одинаковых мозгов ни у кого нет, как бы этого не хотела советская педагогическая практика. Сейчас трудно судить насколько индивидуальный подход в современных московских школах, или как их там теперь величают - *лицеях*, изменил отношение к ученикам, и насколько каждый ученик может выразить себя, но в 1966 году в либерализма не было.

Москва, 1960-е годы. По материалам Интернета.

Свое первое *1 Сентября* я запомнил, как и многие другие, надолго. Прием в престижную на всю округу школу был настолько случайным, что его можно было отнести к разряду лотерейного выигрыша. Я был допущен к вступительным экзаменам в 9 спецшколу вместе с двумя драгоценными дочками, чьи мамы, дамы редкого в 60-е года *перестроечного* напора, прижали директрису школы какими-то угрозами написать «куда надо». Когда мы с матерью удачно протиснулись в кабинет гранд-дамы, то стали свидетелями того, что в англоязычных странах называют “*ugly situation*”. Классы были переполнены, набор в школу уже закончился, но написать, видно, было о чем, и директриса, человек могучего авторитета и опыта при крошечной фигуре, неожиданно сдалась, не понятно почему посчитав мою мать тоже участницей коварного шантажа. Еще три ребенка были допущены к экзаменам, и моя фамилия появилась в толстом экзаменационном журнале последней. Экзамен я прошел хорошо и доучился в школе до выпуска, а две маменьки дочки, поступившие вместе со мной, были отчислены годами позже, не потянувшие нагрузки. Следует напомнить, что советские специализированные школы имели редкую привилегию отчислять за низкую успеваемость. Оставление на второй год было делом редким, и в основном касалось отпрысков из могучих семей. *9 спец* была расположена в спальном Тимирязевском районе, и никак не походила на те *правильные* спецшколы центра Москвы, о которых иногда вспоминают нынешние московские знаменитости. Состав учеников был вполне простой, однако, в округе наша «альма матер» почему-то упорно звалась «*синагогой*».

9-я спецшкола перед сносом, 2000-е годы. По материалам Интернета.

Мечта стала приобретать реальные черты – наступило 1 сентября, и теплым московским утром мы отправились в школу. По обыкновению, торопясь и опаздывая, я прыгал в троллейбус и трамвай, с ужасом представляя длинный путь до школы. Твердый воротник рубашки натирал загоревшую под крымским солнцем шею, шерстяная серая форма была рассчитана на двадцатиградусный мороз, а неуклюжий рюкзак на спине цеплялся за все возможное. Когда мы с матерью наконец добежали до школьного двора, наполненного людьми, праздник был уже в разгаре, но мне уже ничего не хотелось.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что мы опоздали. Опоздали не только по времени, но и по положению. Первые ряды первоклашек, которых можно было безошибочно определить по наличию родительской поддержки и безмерному количеству цветов, стояли плотно, и мне оставалось только уткнуться потным носом в непробиваемые ряды маленьких «старичков» в неуклюжих пиджаках и нелепо застегнутых белых рубашках, и девочек с неимоверно огромными бантами, как будто от размера белого банта зависела их успеваемость.

9-я спецшкола г.Москвы, 1Б класс, 1966 год. По материалам Интернета.

Но главное были цветы... Проклятые цветы были везде, они лезли в лицо, закрывали вид, наполняли руки противной травяной слизью и все время грозили сломаться. Цветы – это изоциренное средство унижение любого человека, любого мужчины с малых лет, фетиш, предмет женского болезненного преклонения, и доступный аргумент примитивной лести. Должен признаться, что именно 1 сентября 1966 года я навсегда возненавидел цветы, срезанные букеты, независимо от цены, которые, как считала моя бабушка, символизируют угасание и смерть. Естественно, за всю жизнь через мои руки прошло много букетов подаренных к случаю, но, если честно, я бы с удовольствием избежал тривиальной процедуры приподношения букетов, если бы мог...

1 Сентября. По материалам Интернета.

Цветы предназначались учительнице, первой и неповторимой, о которой поют песни и долго помнят. Однако, эта процедура простоватой лести не очень укладывалась в голове первоклассника. Мне было откровенно не понятно за что я должен благодарить некрасивую грузную женщину в мышинном платье-балахоне, которую я видел первый раз в жизни, и которая стояла в стороне с непреклонным видом оперной звезды перед отрепетированным приемом букетов. Однако, акция была серьезной, и, когда директриса закончила политически правильную речь о значении школьного воспитания, дали отмашку, и первые ряды первоклашек наперегонки рванули к учителям.

Учительницы двух первых классов приняли равный удар достойно. Ловко подхватив роскошные пятидесятирублевые букеты роз из рук подсуетившихся опрысков, неизвестно кем выбранного родительского комитета, женщины наградили детей поцелуями, продолжая принимать цветы. К тому времени, когда мне удалось пробиться к телу, училки уже не было видно, и активистки-родительницы торопливо сваливали опоздавшие подношения в кучу. Ровно сорок два букета, разные по форме и по содержанию, были переданы в руки незнакомой

учительницы льстивым авансом, к которому дети имели малое отношение. Я с удовольствием избавился от липкого букета крупных астр, которых с удовольствием выбирала моя мать, когда понял, что впереди меня ждет длинная дорога к школьным знаниям, в которой будут важны не только мои отметки, но и соответствующие подношения, потому что среди дорогих роз астр почти не было. Из дома, где я был единственный и неповторимый, меня отправили в чужую, неприветливую школу, где все время был кто-то лучше, сильнее, быстрее и удачливей, а мне приходилось довольствоваться местом середнячка с потенциальными способностями, которых так никто за десять лет и не открыл...

Цветочная демонстрация на школьном дворе мне откровенно не понравилась, и, наблюдая ее в течение последующих девяти лет, я не изменил своего мнения. Учителя все так же умильно улыбались, натасканные будущие отличники и комсомольские активисты бежали с букетами, спотыкаясь в новых башмаках, и грозя свернуть себе шею. Только одна вещь на сцене менялась. С каждым сезоном фото и видео техника в руках обеспеченных папаш менялась в лучшую сторону, что неоспоримо говорило о повышении благосостояния советских людей.

Надо сказать, что первый день в школе меня сильно разочаровал. Все действо показалось мне натуженно искусственным, а заунывно-пономарский голос училки вряд ли был искренен. Со мной общались, как с недоумком-дошкольником, хотя, на приемном экзамене в спецшколу все было вполне серьезно. Мне трудно было тогда сравнивать, но я не разделил всеобщее родительское мнение, что наша первая учительница была замечательным педагогом. Я совсем не запомнил ее, и во втором классе у нас появилась другая учительница, маленькая, кругленькая и уютно домашняя, которую все вполне откровенно благодарили, когда прощались с ней после окончания четвертого класса.

Дальше начиналась новая жизнь, полная учителей, тяжелых предметов, экзаменов и конкурса аттестатов, от которых в полной степени зависела наша будущая жизнь.

Автор в 1-м и 10-м классе. Из архива автора.